

РАЗГИЛЬДЯЙ И ГРАБЛИ 2

ЮРИЙ БОРЗУНОВ

Юрий Борзунов

Разгильдй и грабли – 2

«Издательские решения»

Борзунов Ю.

Разгильдяй и грабли – 2 / Ю. Борзунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966201-9

Продолжение рассказов ветерана-подводника про «разгильдяйство» на Военно-Морском Флоте, о рисках на подводных лодках. Изложены его переживания при дележе Черноморского флота, а также нештатном поведении ядерной торпеды. Объяснены его эмоции по поводу «эпидемии аппендицита» в автономном плавании и мужестве врачей. Обрисованы юношеские «грабли» при поездке на крыше поезда, оверкиль на шлюпке и другие полуавантюрные приключения молодости, включая «мёртвую петлю» на подводной лодке.

ISBN 978-5-44-966201-9

© Борзунов Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Доктор Минюциц	7
Глава 2. Оверкиль под Голландией	14
Глава 3. Как делили Черноморский флот	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Разгильдяй и грабли – 2

Юрий Борзунов

© Юрий Борзунов, 2019

ISBN 978-5-4496-6201-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-6203-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЮРИЙ БОРЗУНОВ

**РАЗГИЛЬДЯЙ
И ГРАБЛИ 2**

Предисловие

«О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель».

(А.С.Пушкин)

«Ошибку сделать – не зазорно...
Важней – исправить и признать,
Не допустив потом повторно
На те же грабли наступать».

(И. Хотулева, современный поэт)

Эту серию рассказов я пишу, опять же, для тебя, мой дорогой внук Георгий. Распорядись этой информацией к размышлению по своему усмотрению: понравившееся-выкладывай в интернет, поучительное – рассказывай друзьям, а, если очень хочешь, можешь опубликовать.

Все рассказы – факты моей флотской службы, всё честно, вымысла нет.

Если первую серию рассказов-сюжетов в книге «Разгильдяй грабли» я писал под впечатлением и, почти согласно с предполагаемыми мыслями твоей бабушки Люси, то эта книжка про риски в жизни – только в согласии с моими эмоциями, рассуждениями, выводами. Подбирая случаи из жизни для описания, иногда просто берёт оторопь: неужели это было со мной или моими сослуживцами? Напрягая память, выбирал только то, что действительно могло привести либо к происшествию, либо к резкому повороту в жизни, либо эмоциональному сбою.

Несмотря на насыщенность службы в ВМФ «случайностями», когда грабли били по моей башке очень больно, всегда находил человека, который как бы протягивал мне руку помощи. Чаще это были люди из моего воображения, на которых я равнялся или хотел быть похожим.

Известно, что любая жизнь состоит из преодоления преград. Иногда мне казалось, что кто-то свыше, может, Ангел-хранитель, указывал решение проблемы. Или это было просто везение?

Главное, я, как все «стрельцы», ставил перед собой, хоть и не заоблачные, но цели в жизни побудительные, понимая, что безвыходных положений не бывает.

Поэтому мотивом написания рассказов было желание донести мой теоретический и практический жизненный опыт до тебя, Гоша, и побудить у тебя желать большего, чем можешь достичь. Только тогда будет интересной и насыщенной жизнь, которую дали нам родители и Господь Бог.

Не скрою, побудительным мотивом продолжить писать явилось и то, что ты выложил в интернете мой рассказ «С-70» (СССР) и «Трешер» (США)», на который мы с тобой получили сразу девять положительных отзывов.

А теперь – скорей к сюжетам

Глава 1. Доктор Минючиц

Прежде чем рассказать о капитане медицинской службы Минючице – враче на нашей подводной лодке С-70, который, «по секрету», рассказал мне о том, как он сам себе сделал операцию по удалению аппендикса в автономном плавании где-то у берегов Кубы в период Карибского кризиса, я хочу немного описать образ этого героического Мужика, его побудительные мотивы в жизни, его богатую белорусскую натуру, эрудицию, порядочность и трудолюбие.

В народе ходят слухи, будто только медики могут запихнуть разбитое яйцо обратно в скорлупу. И это действительно так! А хороший врач должен быть ещё и психологом.

Помню, захожу как-то во второй отсек, где основное пристанище нашего Док'а, а там такая картина:

Сидит Док-Минючиц, перед ним с жалким выражением лица стоят два старослужащих моряка срочной службы. Похоже, они пришли к нему с какими-то жалобами. Док достаёт из своего медицинского чемоданчика какую-то таблетку, предварительно покопавшись, разламывает её пополам и говорит:

– Вот тебе от живота, а тебе – от головы. Идите к боцману красить лодку, через час доложите самочувствие!

Моряки ушли, а я спрашиваю (наивный?):

– А что, есть таблетки, которые помогают сразу и от живота, и от головы?

– Да, нет! Эти «сачки» хотели улизнуть от работы, и, очевидно, надумали куда-то махнуть за пределы казармы. Они здоровы. Я им дал аспирин в малой дозе – он не навредит.

Обычно от врачей требуют чуда, а если чудо свершается – никто не удивляется.

Последнее время я часто смотрю передачи по ТВ доктора Мясникова. Это тоже Врач с большой буквы. Не редко в его любимой рубрике «спросите доктора» пациенты-посетители в зале задают, казалось, бы важные вопросы, а он собирает их в кучу и часто отвечает:

– Не заморачивайтесь...

Советует не накручивать себя по мелочам, лечить голову не столько обезболивающими, сколько успокоительными, не пренебрегать походами к врачу и лечить скальпелем или таблетками только после тщательного обследования на основе данных ВОЗ (всемирной организации здравоохранения). Главное: лечить не болезнь, а больного.

Из всех наук, без сомнения, медицина самая благородная. Не зря говорят, что врачи – первые после бога. Конечно, лучшая операция та, которую можно не делать. Это ещё когда-то Гиппократ сказал. Вообще, медицина для истинного врача больше, чем профессия – она образ жизни. Если бы не тельняшка, я бы тоже хотел быть врачом.

Скажу больше: если профессия – образ жизни, то человек достигает невероятных успехов. Примеров тому – бесконечное множество. Особенно в России: от Ломоносова и раньше, и до, например, академика Спасского Игоря Дмитриевича – наиглавнейшего конструктора подводных лодок, а сейчас и новейшего подводного оружия.

Невольно придётся сделать небольшое отступление по поводу профессии, как образе жизни, исходя из личного опыта.

Когда меня назначили начальником лаборатории тонкой структуры физических полей, то пришлось познать не один десяток этих полей – от всем известных электромагнитных, акустических и гидроакустических, радиационных и нейтринных до малоизученных и даже на моём веку открываемых термоконвективных, сложных лазерных, объёмных гидроакустических и прочих, прочих.

Когда я узнал от нашего президента Путина Владимира Владимировича, что у нас практически создан подводный робот на ядерном топливе, то разыгралась моя фантазия.

Дарю эту фантазию писателям-фантастам бесплатно.

Изучая гидроакустическое поле, особенно, когда мы на разведывательном корабле «ССВ-80» (официально – судно связи) «гонялись» за записью шумов коварной подводной лодкой США «Огайо» в Тихом океане (восемь раз за полгода пришлось пересечь океан, чтобы её «поймать»), невольно пришлось задуматься: как же это дельфины передают по звукоподводному каналу изображение того, что «видят», друг другу. Я написал слово «видят» в кавычках потому, что у дельфинов, кроме глаз, которые далеко под водой не видят, есть целая гидролокационная станция. Гидролокатор дельфина (и это уже доказано) может передать объёмно на большие расстояния всё, что он «видит» в гидролокационном поле.

Обучаются этому дельфины с детства, как мы языковой речи своих детей. Как точно они это делают пока подробно не изучено, но уверен, что скоро наши учёные-гидроакустики изучат и создадут такую, как у дельфинов, гидролокационную станцию.

Так вот для фантастов: представьте себе, если этот подводный робот «Сатус-6» на ядерном топливе вооружить «дельфиньей» гидролокационной системой, отпустить его «гулять» по земному океано-морью, всё, что видит запоминать, и, если, не дай бог, вероятный противник нападёт на нас, то робот выполнит задачу возмездия, если даже наш Штаб Управления стратегическим оружием будет уничтожен. Конечно, оповестить весь мир, что ходит такой патруль по всему земному шару и стережёт покой всех землян. Каково, а?

Узнай сейчас об этом американцы, во-первых, наложили бы в штаны, а, во-вторых, выбросили бы свои сумасшедшие идеи о «превентивном ударе».

Отступление окончено, возвращаемся к нашему Док`у-Минюичу.

Потерпите ещё: прежде, чем рассказать, как Док делал сам себе операцию аппендицита, расскажу про интересный случай в автономном плавании, когда он делал операцию одному из членов экипажа. Операция для нашего Док`а была не сложная («семечки», сказал он мне) – не то грыжа, не то какая-то спайка в животе. Но надо было резать живот.

Подготовили во втором отсеке «операционную». Почему в кавычках? На подводной лодке 613 проекта больше нет места. Поэтому кают-компания с её обеденным столом превращалась в операционную.

Функцию операционной сестры выполнял в этих случаях матрос-химик по специальности. Это не в том смысле, что он «химичил», а его специальность была ближе всего к медицине.

На лодке спирта достаточно, поэтому мыли всё под руководством Док`а не только хлоркой, но спиртом.

Уложили больного. Соорудили перегородку перед его лицом, чтоб не лез не в свои дела. Привязали. Конечно, местно обезболили...

И вот тут начинается рассказ Док`а со слов пациента:

– Начинаем, – слышит пациент

Что-то звякало, что-то падало. Понимал, что копаются на животе. Не больно.

Вдруг бухнуло что-то на палубу. Палуба во втором из железных пайол прикрытых резиновым ковриком. Внизу аккумуляторная батарея. Звонко всё-таки!

По репликам Док`а сообразил, что упал на палубу химик.

– Открой глаза, не дури, – говорит ему Док.

Слышу какое-то мычание. Потом звук бульканья наливаемой жидкости. Потом ещё похожий звук.

– На, пей! – говорит Док

Опять мычание. Тишина. Снова похожие звуки дважды наливаемой жидкости в какие-то ёмкости. Стаканы, что ли?

– Давай, будь здоров! До конца! – голос Док`а

Слышу чоканье стаканов, потом звуки, вроде пощёчин. Опять тишина. Понял, что жрут спирт, разбавляя водой. Вот, черти! Хоть бы не перебрали...

– Ты смотри на инструменты, а не на то, что я делаю, понял? – после некоторой паузы, чьих-то вздохов, продолжил Док.

– Вот видишь, пошло дело, а ты боялся! – наш Док весело разговаривал с химиком, подавая ему команды «зажим», «ланцет», «салфетку» и другие команды.

Дальше доктор Минючиц с улыбкой рассказал мне, что операцию закончили успешно. Больной выздоровел. В базу пришли без замечаний, и, как обычно, без благодарностей.

Иногда шутят, что хирурги делают операции в перчатках, чтобы не оставить отпечатков.

Шутка верная, но наш капитан медицинской службы хоть и делал операции в перчатках, но отпечатки своей работы на подводной лодке оставил множество.

К примеру: он часто вместо старпома стоял в рубке на перископе, когда старпом нёс командирскую вахту.

Наш старпом вечно имел замученный вид.хлопот, конечно, у него было много. Особенно ему не хватало времени писать ЖБС (журнал боевой службы), и, когда приходила его очередь идти на командирскую вахту, он жалобным взглядом смотрел на Минючица. Тот понимал, и всегда предлагал себя постоять за старпома на перископе в ходовой рубке. В центральном на перископе висел вахтенный офицер (штурман или помощник командира, моя смена была раньше их). Командир эту подмену не только разрешал, но даже поощрял, понимая, что Минючиц эту обязанность выполнит наилучшим образом.

Почему мы выставляли два перископа? Дело в том, что под РДП (работа дизеля под водой) на перископной глубине мы находились через сутки. Вторые сутки мы лежали на «жидком грунте» без хода, на глубине резкого перепада температуры воды. Летом этот слой находился на глубине 25—30 метров, где температура у поверхности была под 28 градусов, а на глубине 30 метров уже 8—10 градусов. Вот и образовывался слой воды с резкой переменной плотности, и мы лежали, как желток в коктейле: сверху алкогольный напиток, а внизу какой-нибудь сок.

Так мы обеспечивали свою скрытность. Турки тоже были не промах: посылали вдоль своих берегов самолёты-разведчики. Поэтому приходилось внимательно следить за небом, и, в случае появления самолёта, немедленно уходить на глубину, как нырок-чирок, прячется от охотника.

За время автономки только один раз мы нырнули, увидев самолёт. Это было в первой половине похода. К счастью, вахту в рубке нёс сам командир капитан 2 ранга Пешков Александр Васильевич. Он-то и заметил самолёт.

Обычно на подводной лодке не бывает конфликтов. Но напряженность и стрессогенность профессиональной деятельности моряков-подводников определяется продолжительной изолированностью от внешнего мира, работой в замкнутом пространстве, узким коллективом сослуживцев с жёсткой иерархией отношений, сложными эколого-средовыми физическими факторами. Это приводит иногда к риску развития расстройств психического здоровья.

Однако, трудности похожи на собак: они кусают лишь тех, кто к ним не привык.

Так вот, наш Док, получше всякого замполита, умел найти подход к каждому члену экипажа. Не удивительно, что он знал основные этапы жизни почти каждого нашего моряка, их семьи, заботы и проблемы. Советов,

если не просят, – не давал, соучаствовать всегда стремился. Поэтому он на лодке был, как гипнотизёр: войдёт в отсек и... все расслабились.

И вот те на! Надо же было такому случиться: у Док`а воспалился аппендицит. Ситуация аховая! Карибский кризис. Лодка где-то у берегов Кубы. Всплывать категорически нельзя. Что делать?

Доктор понимал, рассказывая мне, что любой не оперированный аппендицит заканчивается перитонитом. Были, правда, в истории чуть ли не с Древнего Рима случаи, когда не разли-

шийся перитонит как бы консервируется, и его вырезали позже, чуть ли не через год. А вообще без операции почти как.

Тогда профессиональный толковый врач Минючиц принимает решение: сделать операцию самому себе. Тем более, что им в медицинской академии об этом подробно и квалифицированно рассказывали хорошие профессора.

– Конечно, это была авантюра, – признался Док, – но выхода не было, не помирать же. Понимал, что наша боевая задача поважней одной человеческой жизни.

Далее, не очень подробно, но в шуточной форме, рассказал, как он вместе с химиком себя оперировал.

Позже я почитал занимательный рассказ писателя Ломачинского, как врач Пахомов не так давно сделал себе операцию аппендицита на атомоходе, тоже в автономном плавании. Будешь читать, обхохочешься, такой там трагикомический юмор.

В этом сюжете про аппендицит в экстремальных условиях меня больше занимало само решение врача идти на такую операцию самому себе. Это похлеще, чем на пикирующем бомбардировщике вместо Гастелло лететь.

Истинное мужество выражается в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении своей профессиональной задачи, невзирая ни на какие опасности. Не зря оставил нам в наследство мудрые слова истинный философ Демокрит: «Мужество делает ничтожными удары судьбы».

А ещё, на мой взгляд, самое высокое мужество – это мужество мысли.

Трудно даже представить себе, как человек, понимая опасность ситуации, идёт на риск, надеясь только на свой профессионализм. Каково, а? Уверен, что мужество у таких людей растёт с опасностью: чем туже приходится, тем больше сил, но, если без благоразумия – это уже не мужество, а так... авось.

Да, когда он мне рассказывал, то предупредил, что договорился с командиром по возвращению в базу в случае положительного исхода никому об операции не рассказывать, в вахтенный журнал не записывать. Мало ли как поймёт командование, близкие... Это не потому, что он не был тщеславным. Это было потому, что наш Док был профессиональной доброты человек.

Знаю, дорогие читающие, вы мне скажите:

– Ну, старик, надоел мудрствовать своим маразмом, как тот, у которого «была собака, он её любил, она съела кусок мяса» ... и по кругу.

А я отвечу:

– Есть песенка другая, в которой нагнетается обстановка, когда «... за исключением приятного сюрприза, за исключением одного...», пока штаб не сгорел. Или, хотите анекдот: «Полицейский останавливает машину и говорит: – Вот Вам 1000р за проезд перекрёстка без нарушений, – О, права куплю! – Вы без прав? – жена: – Не слушайте его, чего спьяну не скажешь? – Так Вы и пьян? – тётка вмешивается: – Я же говорила, что на ворованной машине далеко не уедешь!». И добавлю, что знаю случай на подводной лодке, когда по нарастающей в автономном плавании было сделано восемь операций аппендицита.

Это не анекдот и не песенка, а самая настоящая быль. Похлеще той, что описал Андрей Ломачинский про аппендицит Айболита Пахомова, потому что среди этих восьмерых оказался мой сын.

Понимаю, что мне попадёт от сына: он не любит, когда я пересказываю кому-нибудь его события в жизни.

С доктором Минючицем связывает эта история только словом «аппендицит».

Было это в конце 80-х годов. Подводная лодка 667 проекта второй Камчатской флотилии Тихоокеанского флота была в автономном плавании где-то в Тихом океане. Очередное, но ответственное дежурство по защите мира на Земле.

Давайте задумаемся. Восемь операций аппендицита в одном походе? Это уже не просто «разгильдяйство» на моём родном подводном флоте, а чья-то преступная безответственность при подготовке к походу.

Во флот берут только крепких, здоровых мужчин. А, тем более в подводный. Значит причина такой эпидемии аппендицита кроется не в подводниках, а в тех, кто допустил создание таких условий, которые привели к этой, чёрт возьми, «эпидемии аппендицита». А называется такое – преступная халатность.

Знаете, как готовится лодка и экипаж к автономному плаванию? Во-первых, никто не знает, когда оно будет, во-вторых, а будет ли вообще, в-третьих, лодка первой линии должна быть всегда готова к автономке.

Хоть «разгильдяи» на флоте были, есть и будут, к сожалению, всегда. Но это случай из разряда преступлений.

Неправильный рацион питания является главной причиной заболевания аппендицитом. Доказано, что 70% случаев заболевания является недостаточностью в рационе клетчатки. Это отруби, хлеб грубого помола, необработанные зерновые, все овощи и фрукты в любом виде.

По нормативам питание на лодке лучшее из всех родов войск, даже вино. А кто обеспечивает? Конечно, береговая база. А на базе кто? Мичмана-сверхсрочники. У кого помощник командира, отвечающий за провизионную, имеет хорошие отношения с этими мичманами – проблем в автономке с провизией не будет, а кто не имеет – будут.

Конечно, штучный товар – шоколад, таранька азовская, икра лососёвая, вино и прочее будут по норме, а вот овощи и фрукты – кому как повезёт. Особенно на Камчатке. Там этого «снадобья» – дефицит.

Это потом выяснилось, что «эпидемия аппендицита» случилась из-за недостаточности овоще-фруктового набора, и, конечно, спецификой малоподвижности подводников.

Итак, начнём разбирать «эпидемию».

Матросу или старшине N врач поставил диагноз: аппендицит. Случилось это во второй половине автономки. Хорошо продержался моряк на скудном пайке! Кто-то может возразить: был случай, когда во время Карибского кризиса отправили дизельную подводную лодку в автономное плавание так срочно, что не было времени загрузить продовольствием вообще. Расчёт был на доснабжение в море от отечественных судов. Но этого не случилось. На флоте этот случай назвали «голодной автономкой». Считаю, в конце двадцатого века такие случаи недопустимы.

Командир корабля имеет инструкцию. Если эвакуация пациента невозможна, то корабельный врач штатно делает операцию, и при положительном исходе делается запись в вахтенный журнал и медицинскую книжку пациента. Если исход отрицательный – доклад в Штаб, и по решению Штаба два варианта: морозильная камера или «по морскому обычаю» в море.

Через некоторое время, почти подряд, уже у мичмана и одного из матросов аппендицит. Небольшой переполох. В экипаже все начеку: грызут всё, что напоминает клетчатку, пьют побольше воды, занимаются на тренажёрах и прочая профилактика.

Все знают симптомы аппендицита. Моряки народ остроумный, начинаются шуточки вокруг заболевших:

- А, клизму сделать?
- Ты в туалете сегодня был?
- Может тебе гоголь-моголь сделать?
- Швы сам снимешь или помочь? И другие «подковырки».

Но, когда аппендицит обнаружился у четвёртого, пятого и шестого, стало не до шуток. Вот пятым или шестым оказался мой сын. Он на лодке был гидроакустиком или командиром радиотехнической службы. Не в этом дело. У него оказался самый гнойный аппендицит.

Молодец, выдержал операцию. Даже потом шутил, что получил отпуск на подводной лодке на 12 суток.

Короче, восемь пациентов прооперировал молодой лейтенант из Военно-медицинской Академии. Думаете, его поощрили? Фига-с-два! На награды тогда у нас в стране был лимит: награждали – не причастных, наказывали – не виновных – так говорил народ. А в этом случае ещё и боялись огласки: вдруг «наверху» догадаются, что виноваты те, кто готовил поход.

Думаете я это всё выдумал? Нет, попросите у моего сына фотографию восьмерых подводников с АПЛ 667-го проекта, он вам не откажет.

Но то, что я расскажу дальше, объяснить просто невозможно.

А было вот что.

Когда после автономки сын с семьёй приехал к нам в Севастополь и рассказал, вкратце, про операцию аппендицита, наша мама-бабушка Люся попросила показать его шрам. Он показал. Мама побледнела и спросила:

– Это было в марте?

– Да, – ответил сын.

После этого она нам рассказала про свой «вещий» сон. Ей приснилось, что у сына по какой-то причине образовался шрам на щеке в виде молнии. Она никому об этом не рассказывала, но часто вспоминала. Тревожило её это почему-то. А тут шрам от операции был точной копией шрама на щеке во сне.

Объяснить такое совпадение я не могу до сих пор. Интуиция? Постоянная тревога матери за сына, находящегося на службе в зоне риска, и отсюда различные картины воображения? Какая-то биоэнергетика, связывающая пожизненно мать с ребёнком, или биополе?

Ещё много физических полей не открыто. Например, известен факт, что акула чувствует кровь раненой жертвы за многие мили, а как? Диффузия невозможна, значит неконтактно существует неизвестное поле? А дельфины разговаривают, передавая своё «видение» друг другу, как? Необъяснимых фактов множество. Надеюсь на учёных, которые всё же познают, каким образом матери часто неконтактно узнают состояние своего отпрыска, особенно в экстремальной ситуации.

И закончить сюжеты про аппендицит хочу, рассказав о моём сослуживце Соколове Валентине Евгеньевиче.

Он старше меня на год или два. Служил штурманом на соседней «малютке». Жили мы в Балаклаве в одном доме, как говорят, дружили семьями. Потом он на Северном флоте дослужился до командира атомохода, получил звание Героя Советского Союза за подвиг по скрытной проводке двух атомных подводных лодок вокруг земного шара под носом у американцев, написал книгу «Подо льдами Арктики». Сейчас живёт в Одессе, руководит клубом ветеранов-подводников.

Так вот что рассказал мне Валентин Евгеньевич про аппендицит в автономном плавании в Норвежском море на широте 81 градус, подо льдами Арктики:

«Командовал я тогда подводной лодкой К-438. Шла середина автономки. Входит ко мне в каюту капитан медицинской службы Игорь Иванов, начальник медслужбы корабля, и докладывает:

– У турбиниста матроса Шагатаева приступ острого аппендицита. Необходима срочная операция.

В таких высоких широтах, да ещё подо льдом, хирургам работать не приходилось.

– Доклад Ваш принял, приступайте готовить операцию.

Вижу, доктор растерян. Выясняю. Оказывается, он никогда операций аппендицита не делал. Тогда я при нём включил телевизионную систему наружного наблюдения. Показал, что над нами тяжёлые льды со сталактитами. Всплыть невозможно. Идти к чистой воде и ждать

корабль обеспечения долго. И ещё: есть приказ ни при каких обстоятельствах себя не обнаруживать. Одна человеческая жизнь здесь была не в счёт. Что делать?

Глядя в бледное лицо врача, я сказал:

– Даю сутки на подготовку операции, по готовности, доложить.

Всё подготовили, сбавили ход до минимума, боцман держит глубину 50 метров, дифферент ноль градусов, в лодке тишина, трансляция включена на все отсеки, доклады врача командиру слышит весь экипаж.

– Операция началась, сделал первый надрез.

И опять тишина. Долгая тишина. Через какое-то время доклад:

– Мы не можем найти аппендикс. Что делать?

Понимаю, что врач опять растерян. Чем ему помочь? Да, можно взять часть моральной ответственности на себя!

Спокойно вполголоса говорю:

– Приказываю продолжить операцию.

Буквально, сразу же ответ:

– Аппендикс найден!

В лодке стало ещё тише. Слышно даже было, как у микрофона дышит вахтенный офицер.

Через час-полтора мне принесли банку с законсервированным аппендиксом. Всё слава богу.

Через несколько дней и матрос Шаготаев поправился, и доктор порозовел, и домой в базу мы направились».

Я всегда вспоминаю своего доктора Минючица, когда передо мной дилемма, а её надо решать, зажав всю свою волю в кулак. Потому, что мужественным называется тот, кто безбоязненно идёт навстречу всем своим проблемам. Хорошо, правда, если ему ещё помогает его интуиция. Ведь, интуиция – это искусство чтения чистых страниц.

Глава 2. Оверкиль под Голландией

Когда перевернулись, и я оказался под водой, почему-то первая мысль была о маме. Мама мне мальчику лет в 14 говорила: «Не ходи на речку, утонешь. Мне цыганка сказала». Маму я старался слушаться. Хоть и боязно было кататься на скользких льдинах весной на речке Лопань в Харькове, но я катался. Потом мой друг Борька нарядился в тельняшку. Как мне хотелось иметь такую! Наверное, поэтому и стал моряком-подводником.

Было это в начале лета. Жена уехала с малолетним сыном из Балаклавы в Ленинград, потому что помощи от меня не было никакой, подводную лодку поставили на ремонт на месяц в судоремонтный завод в Севастополе, экипаж перевели на ПКЗ (плав казарму) при заводе. Офицеры и мичмана большей частью были отправлены в отпуск. Только механик, кто-то ещё и я «караулили» личный состав. А так как я холостяковал, то вызвался быть дежурным по казарме ежедневно.

Море я уже повидал и в курсантские годы, и поплавал на «малютке» М-353 с замечательным отцом-командиром Крыжановским Вячеславом Алексеевичем.

Хотелось чего-то морского больше. Думал, получится ли из сухопутного харьковского мальчишки настоящий моряк, чтобы похвастаться какими-то приключениями, может, даже опасностями.

А тут: пройдёшься по ПКЗ, на лодку строем сводишь экипаж для чистки трюмов и цистерн, поговоришь со строителями (так называлась бригада ремонтных рабочих на лодке). Разве это морское дело? Дело, конечно, но не то.

После обеда мы часто не ходили на ремонтируемую лодку. Чем же заняться? Книжки читать и всякие там инструкции по жизнедеятельности лодки, по специальности – утомительно. Мне же было всего 23 года.

Лежу я, значит, на койке после обеда на ПКЗ в своей каюте и, как шилом, меня кольнёт!

Подскочил, побежал на верхнюю палубу, где стоял шестивесельный ял, покрытый брезентом. Открыл, там мачта, завёрнутая в парус, уключины на месте, вёсла. От радости стал глубоко дышать.

Ура! Можно пройти по Севастопольской бухте под парусом.

В училище, когда мы проходили «курс молодого матроса» на крейсере «Аврора», мы почти ежедневно по Малой Невке ходили на вёслах, я был загребным (на первой банке справа), хоть худой, но жилистый, имел третий разряд по спортивной гимнастике. Пару раз нас даже учили ставить парус. Значит, хоть и небольшой, но навык есть.

Авантюра, конечно, но я сразу решил, что мы на полных парусах пройдёмся на радость всем севастопольцам вдоль берегов бухты. Пусть любят ловкостью моряков!

Известно, что ясли к корове не ходят. Поэтому пошёл наш лейтенант в экипаж искать таких же одержимых морем по ПКЗ.

И, представьте себе, нашёл. Один из них с кем-то когда-то ходил на яхте. Вот повезло! Значит знает, что такое уключина и шкот.

Броситься с головой в непонятную авантюру – это глупость (сейчас понимаю) высшей степени. Но всё же соблазнительная глупость, разделить которую желают, мне кажется, многие. Я уходил от разума и шёл к чувству, от безопасности к аванюре, из реальности в мечту. Дело в том, что в те молодые годы я не мог долго находиться в каком-то спокойно-консервативном состоянии. Через некоторое время у меня начинали чесаться пятки, и я всё время куда-то мчался. Всю жизнь. Дело в том, что разница между мальчиком в 23 года и мужчиной после 50-ти лет – в стоимости их игрушек.

Сделав инвентарный осмотр шлюпки уже в составе шести матросов, мы её с горем пополам спустили за борт, увидели, что протечек нет, и радостные погребли чуть ли не на середину Севастопольской бухты ближе к Инкерману.

Почти, как бывалый моряк, я скомандовал:

– Шабаш, рангоут ставить!

Конечно, никто не понял, чего я хочу, но по ходу объяснил, чтобы вёсла убрали внутрь шлюпки вдоль борта, но шкертами не привязывали (на всякий случай, подумал я). Мачту с парусом мы приготовили ещё на ПКЗ, прикрепили на клотик Военно-Морской флаг, сняв его с ПКЗ, заранее обговорили как вставлять нагель, чтобы мачта правильно закрепилась и некоторые другие нюансы относительно парусов, кливер- и фок-шкотов.

Дальше я просто ребятам сказал по-русски:

– Ставим мачту и медленно поднимаем паруса, шкоты не натягиваем, но за борт не отпускаем.

Матросы у нас смышлёные, разобрались, как надо, и ..., на удивление, небольшой ветерок наполнил паруса.

Видели бы вы эти радостные физиономии!!!

Знал я, что поворот «оверштаг» – против ветра – делать проще, меняя галс, а вот поворот «фордевинд» – за ветром – я не очень себе представлял.

Пока мы ставили паруса, нас отнесло в сторону Инкермана, ветер был западный, средний. Поэтому повороты «оверштаг» для смены галса я проделал много раз, пока мы не прошли траверз Голландии, участок Северной стороны бухты, где располагалось Военно-Морское инженерное училище, которое готовило механиков для атомных подводных лодок.

Шлюпка наша идёт самыми выгодными галсами против ветра. Нам никто не мешает, и мы никому не представляем угрозы. Запредельное чувство свободы и простора! Есть, правда, одно неудобство: нужно быть предельно собранным и моментально реагировать на шалости ветра. Но, куда там! Сплошная эйфория, петь хочется! Если бы умел!

Для поддержания скорости я натягиваю фок-шкот, что-то похожее делает моряк с кливер-шкотом. Выдерживаю пока ветер равномерен. Но, вот, словно плевок воздухом, мачта с парусами клонится к воде. Для выравнивания отпускаю шкот, подворачиваю рулём, а матросы невольно наклоняются в противоположную сторону. Мачта выпрямляется, шлюпка замедляет ход.

Снова потихоньку выбираю (натягиваю) шкаторину, снова рулём подставляю паруса к ветру, паруса перестают трепыхаться, натягиваются, распрямляются, и шлюпка снова увеличивает ход.

Работа с ветром напоминает игру в «кошки-мышки», где роль кошки принадлежит ветру, ну, а мышки – мне. Каково ощущение? Радость! И одновременно напряжённость на мажорном фоне. Запах воды пьянит – его ни с чем не спутаешь.

Дальше идти на выход из бухты мне не требовалось. Там туда-сюда ходили пассажирские катера и паромы. Кроме того, я понимал, что мы катаемся контрабандой и, в принципе, мне может за самовольство здорово попасть. Я же ни у кого разрешения не спрашивал.

Пройдя траверз Голландии, решил повернуть опять к Инкерману, и идти с «форсом» по ветру. Поворот нужно было делать медленно, чтобы ветер резко не забрал фок-парус или вообще отпустить фок-шкаторину и работать только рулём. Но я этого не знал...

Очередной, уже бессчётный удар ветра в парус. Я привычно с небольшим натягом отпускаю шкот, но трепыханья паруса нет. В чём дело? Рулём поворачиваю парус к ветру, но уже поздно – мачта продолжает медленно клониться к воде. Командую:

– Всем на противоположный борт!

Шлюпка выпрямляется и резко вдоль оси поворачивает уже на другой борт. Кто-то из матросов пытается быстро перебраться опять на другой борт, но... поздно. Шлюпка переворачивается вместе с нами. Прыгаем в воду.

В голове у меня сумятица: я не был готов к такому событию, и не знаю точно хорошо ли все умеют плавать.

Шлюпка перевернулась килем вверх, парусом вниз и... не тонет. Понимаю, что внутри шлюпки воздух. И это всего-то?! Немного успокоился. Плаваю я хорошо. Вижу, что моряки держатся за шлюпку. Соображаю: надо посчитать. Считаю. Пять плюс я – шестой, а было семь. Уже, вытянув руку из воды, считаю. Опять – шесть. Кричу, что есть силы:

– Кто умеет плавать и нырять – ищите!

Почти все, и я в том числе, ныряем вокруг шлюпки. От волнения сердце выскакивает. Ну, всё, думаю, кто-то ударился о шлюпку или мачта его стукнула?

Проходит целая вечность, а седьмого нет. Уже устали нырять, да и вода не очень прозрачная. Что делать? По себе знаю, сколько человек может не дышать. Значит, утонул?!

Вам не передать мою тревогу. Моряки тоже вытаращили глаза. Все смотрят на меня. А я такой же «опытный» парусник, как и они.

Через какое-то время спокойно у борта шлюпки показывается радостная голова седьмого, который чуть ли не поёт:

– Выдернул я его всё-таки!!

– Кого? – спрашиваю я.

– Да, нагель, чтобы мачта за дно не зацепилась, когда буксировать шлюпку будем к берегу.

Тревога сменилась радостью: а мы в суматохе не догадались заглянуть под шлюпку.

Только кто-то из матросов буркнул ему:

– Мог бы подождать, пока нас лейтенант не посчитает.

Вытащили шлюпку на пляж у самой Голландии (см. фото),

Сняли и высушили парус, поставили шлюпку на киль, вычерпали воду, даже позагорали, и на вёслах вернулись на ПКЗ.

Больше я не затевал такие прогулки. Однако, остался при мнении, что здоровая доля авантюризма – это именно то, добавляет в нашу жизнь драйва, движения и красоты... не даёт заскучать и заставляет нас двигаться вперёд.

Не очень смешной урок преподнесла мне судьба, но я же родился в «рубашке». И Ангел-хранитель всегда со мной. Поэтому хочу приободрить себя стихами Сергея Есенина:

«Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой

И лучшей марки».

И ещё где-то я вычитал, что «авантюрист – человек, берущийся за дело, которое кажется другим непосильным».

Глава 3. Как делили Черноморский флот

Как делили? По живому. И я в этом принимал непосредственное участие. Было, в основном, трагично, а иногда – комично.

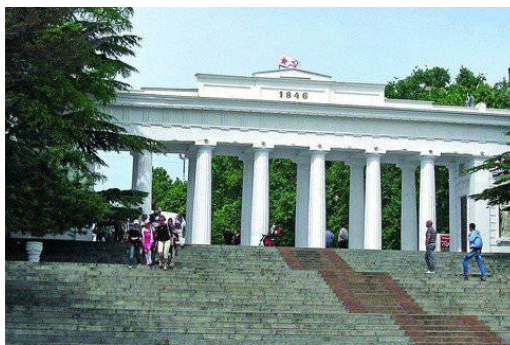
В честь 50-летия выпуска лейтенантов нашего училища подводного плавания я написал поэму «Отзвуки юбилея» (21.10.2009), где есть такие строчки:

– ... Капустин рассказал:
«Из ста подлодок стало две,
А Украина – вся в дерьме.
Аккумулятор, чтобы заменить,
Хохлам «Добро» у НАТО надо запросить».

Для справки: Капитан 1 ранга Капустин Николай Иванович, мой однокурсник, демобилизовался в 1990-м году с должности заместителя начальника Севастопольского Военно-Морского училища им. П. С. Нахимова, адмиральского звания не получил, уже была перестройка и готовился развал СССР, но он остался в Севастополе, был председателем Совета ветеранов-подводников.

История раздела Черноморского флота подробно изложена в исследованиях корреспондента Олесь Бузина` и в воспоминаниях тогда Командующего Черноморским флотом адмирала Касатонова Игоря Владимировича. Делили флот с 91-го по 97-ой год, и всё время тогда на арке Графской пристани развивался Военно-Морской флаг СССР. Он и сейчас там висит с 2014-го года. См. фото флага на Графской пристани в 1991—1997гг.

Главное при разделе было то, что президент Украины Леонид Кравчук требовал, чтобы 3 января 1992года Черноморский флот принял присягу Украины. Адмирал Касатонов ответил:

– Нет!

Дрогни Касатонов, и янки бы уже давно в Крыму сидели. Вся новейшая история России по-другому бы пойти могла.

Но Касатонов не дрогнул, уберёг Черноморский флот, потому что есть такая профессия – Родину защищать. России есть чем гордиться пока у неё есть такие сыны, как адмирал Касатонов.

Теперь о моём участии в этом сложном деле.

Демобилизовался я по своему желанию в 50 лет, и решили мы с супругой перебраться под старость лет в Севастополь. Есть такое право у каждого военнослужащего при демобилизации.

Почему я выбрал Севастополь? Там прошли моя и супруги молодость в Балаклаве, там родился сын, а ещё – начало «хромать» здоровье, Крым – это здравница.

Получили мы там квартиру, и я стал искать работу. В годы перестройки это было очень сложно.

Уйдя на пенсию, стал работать в ЦНИИ «Гидроприбор» в Ленинграде. Сразу получить должность главного конструктора получить не удалось, и работал в одной из гидроакустических лабораторий заместителем начальника.

Меня распирали идеи совершенствования неконтактной минно-торпедной техники, а приходилось внедрять, хоть и полезные, но не свои задумки.

Тогда я понял, что мне, как кандидату наук, можно в Севастополе на базе ЦНИИ «Гидроприбор» создать свою лабораторию.

Обосновав всё технически, развернул кипучую деятельность по созданию лаборатории с финансированием от ЦНИИ «Гидроприбор» на базе института океанологии ВМФ.

Вышел приказ директора ЦНИИ «Гидроприбор» о филиале лаборатории в Севастополе, но денег ни на аренду помещения, закупку техники и прочего мне не обещали. Что делать?

Вначале мне удалось договориться в институте океанологии ВМФ в Ленинграде, чтобы мне, пока одному, выделили в их филиале в Балаклаве помещение, где бы я мог начинать работу. Этот институт ВМФ имел ещё базу в Казачьей бухте Севастополя, где я тоже имел право работать. Мой друг Анатолий Петрович Прошин, работавший заместителем начальника института океанологии ВМФ, издал соответствующий приказ, вплоть до работы с секретными документами. И там, и там полупустых помещений было достаточно, а что я смог сделать один?

Стал собирать команду единомышленников на паритетных устно-договорных условиях, обязуясь, что лаборатория будет заниматься гидроакустическими шумами подводных лодок и торпед. Человек пять – шесть заинтересовались моим предложением, были среди них кандидаты наук и даже доктор технических наук Исаченков из института Южных морей Академии Наук.

Удалось привлечь и организации. Согласовал и заключил договора о намерениях с институтом Южных морей Академии Наук, Черноморским минно-торпедным управлением ВМФ и, естественно, с Севастопольским филиалом института океанологии ВМФ.

На всю эту организацию я потратил почти три года. И вдруг, в 1991 году разваливается СССР, начинается делёж Черноморского флота. Я автоматически становлюсь без моего согласия гражданином Украины – по месту прописки жилья в Севастополе.

Понимаю, что надо при развале страны, образовании нового государства под названием Украина получить хотя бы минимальные гарантии на создания моей лаборатории.

Иду в Черноморский Штаб ВМС Украины, который вначале располагался в Военно-Морском училище им. Нахимова в Севастополе и предлагаю свою помощь по созданию украинского минно-торпедного управления ВМС Украины.

Прихожу с рефератом к зам. Командующего ВМСУ и согласовываю план своих действий.

Сейчас я впервые расскажу о некоторых закулисных событиях, которые могут показаться совсем неправдоподобными.

Меня определили в смешанную подготовительную российско-украинскую группу как специалиста по минно-торпедному и почему-то ещё противоминному оружию и вооружению. Мы готовили предварительные предложения Штабу Черноморского флота в составе бывшего СССР во главе с Командующим Черноморским флотом России адмиралом Игорем Касатоновым. Встречались мы с представителями Штаба не на проспекте Нахимова, а либо в училище, либо в гостинице МИС (морской инженерной службы) на улице Гоголя (чаще) или на улице Ленина (реже).

Приведу несколько примеров, свидетелем которых я становился невольным слушателем чаще в курилках где-нибудь на этаже.

Во-первых, все (и с украинской стороны, и с российской) были очень напористые;

Во-вторых, никто не стеснялся в выражениях, вплоть до нецензурных слов;

В-третьих, подход был такой, что весь Черноморский флот считался российским, и украинской стороне отдавалось имущество, несмотря на приказ Кравчука о вхождение Черноморского флота СССР в состав ВМСУ, не самое новое, за некоторым исключением.

Чтобы было понятно что собой представлял в 1991 году Черноморский флот, приведу несколько цифр.

Флот имел 833 корабля, 28 подводных лодок, крейсеров и БПК 1-го ранга – 8, эсминцев – 20, четыре десятка сторожевиков, 30 ракетных катеров, 400 самолётов, 50 десантных кораблей, 70 тральщиков, 100 тысяч матросов, старшин и офицеров и 60 тысяч вольнонаёмных. Всё это располагалось в Севастополе, Балаклаве, Одессе, Керчи, Феодосии, Измаиле, Новороссийске и Поти.

Украине досталась почти одна треть, а сейчас всего три боевых кораблика типа ракетных бронированных катеров и десятки ржавеющих не боеспособных кораблей и судов, включая одну подводную лодку. На Украине всё либо распродали за бесценок за рубеж, либо порезали на металлолом, а, «гроши»? Сами понимаете, где.

Но при дележе «грызлись» за каждый корабль, буй заграждения и тральщик.

Разговаривали все чётко только на русском языке.

Самый яркий конфликт был между министром обороны Украины генералом Морозовым, бывшим в СССР командующим Одесским округом, и вновь назначенным в 1991 году адмиралом Игорем Касатоновым. Генерал-обыватель вступил в противоречие с адмиралом империи.

Из воспоминаний адмирала Касатонova: «Никто никогда задач по сохранению флота мне не ставил... Это я принял решение, объявив 5 января 1992 года, что ЧФ – флот российский, подчиняется министру обороны Шапошникову и Главкому ВМФ Чернавину. Моряки выполнили мой приказ: „Украинскую присягу не принимать!“. Первой об этом объявила американская газета „Нью-Йорк таймс“. В поддержку я получил из России сотни телеграмм от простых людей, от руководства – ноль. По форме это был мятеж».

Представители Украины в группе «дележа» все были одеты «по-граждански», я тоже. Об их воинских званиях я только догадывался, но они все были дилетанты в вопросах военно-морской службы, но очень прислушивались к разговорам «сверху».

Помню один рассказывает:

«Боря (так они называли Бориса Николаевича Ельцина, а мы – БН) назначил заключительное совещание по Крыму и Черноморскому флоту, где всё окружение Ельцина, и он в том числе, были настроены на то, что Крым, а тем более Севастополь, который уже юридически и финансово был включён в госбюджет РФ, а также весь Черноморский флот переходит в юрисдикцию России. До этого Кравчук ездил к Ельцину с предложением о передаче Черноморского флота Украине, но ничего не выторговал.

Читайте дальше – почти анекдот. Дело было где-то в середине дня, уже почти обе стороны собрались на заключительное заседание, и вдруг входит Паша-мерседес (министр обороны РФ Павел Грачёв) и говорит громко, чтоб все слышали:

– Борис Николаевич, всё на столе стынет...

Тот отвечает:

– Ладно, давайте перекусим, а потом...

Ушли, нажрались и забыли обо всём.

Так мы чуть не прокакали Черноморский флот, и, извините, потеряли на некоторое время Крым. Было бы желание «наверху», флот бы весь остался российским. Никакого дележа не было бы. Но история не знает сослагательного наклонения.

Был я как-то и на совещании у Командующего Военно-Морскими Силами Украины капитана 1 ранга Кожина (адмирала ему присвоили позже, через год-два), и там услышал о полуанекдотическом разговоре, когда в Севастополь прибыл министр обороны Украины Морозов, и ему докладывал зам Командующего контр-адмирал Ковшарь.

После знакомства Морозов спрашивает у Ковшаря:

– Так вы все украинцы?

– Так точно, – отвечает Ковшарь.

– А где же тогда русские?

– А русские у вас в штабе – Кожин, Костров, Кузьмин и так далее по алфавиту с окончанием фамилий на «ов» и «ин».

За спиной у Морозова засмеялись. Дело в том, что когда в Москве сократили 5-ю эскадру Черноморского флота, то 60 человек штаба остались без должности, а, значит, и без заработка. И они всем строем – в ВМСУ. И так бывало.

В процессе дележа попросили меня составить справку о трально-боновом вооружении.

Прибыл я на Северную сторону в Севастополе, там огромная территория, где под открытым небом потихоньку загнивали тралы, бочки, буи, троса в катушках и прочий «хлам».

Позже, недалеко от этих складов под открытым небом Украина организовала причал со всей инфраструктурой для своих кораблей.

Причал виден с Графской пристани, символическое его название Куриный причал.

Бывая в Севастополе почти до 2009 года, мы с супругой в нарушении всех правил приличия частенько купались у памятника Затопленным кораблям. Дети купаются, а мы старики тоже почти дети. Вот и купались, и даже загорали ближе к Графской.

С грустью я смотрел тогда на корабли-судёнышки, окрашенные в «американский» оттенок серого цвета с латинскими буквами «U» на борту. Эта утиная стая официально именовалась «эскадрой разнородных кораблей» ВМСУ. Это же был практически весь украинский флот, если не считать нескольких катеров в Керчи и Одессе и подводной лодки 641 проекта «Запорожец».

До сих пор потешаются (мне горько и стыдно за Украину) над этой подводной лодкой. У неё не было аккумуляторной батареи, где-то в двухтысячных годах ей исполнилось 40 лет. Конечно, она не только физически, но и морально устарела. Но, как же? Украине престижно иметь подводный флот. Лодка им досталась после дележа в 1997 году. Ранее её именовали Б-435 14-й дивизии подводных лодок Черноморского флота, а затем переименовали её на западный манер в U01 с названием «Запорожье», в чём чувствовалась ностальгия по мифическим «подводным силам» запорожских казаков.

Фото, ещё когда ПЛ была боевой, привожу ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.